

МИСТИФИКАЦИЯ ПЬЕРА ЛУИ «ПЕСНИ БИЛИТИС»: ПО СЛЕДАМ ПОЭЗИИ И МИФА САФО

О. Родькина

1 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. **Л.И. Шевченко**

В 1896 г., в эпоху декаданса и нового расцвета интереса к античности, и прежде всего к пестуемой ею свободе в выборе чувственных наслаждений, 25летний Луи публикует „Chansons de Bilitis“, «Песни Билитис» - перевод на французский язык поэмы до той поры неизвестной греческой поэтессы Билитис, принадлежавшей к окружению Сафо. В 143 стихах, чьи сюжетные ходы выдают некую последовательно разворачивающуюся биографию, гетера Билитис рассказывает о своих похождениях на Ближнем Востоке (Малая Азия, острова Лесбос и Кипр). «Песни Билитис» ждал такой большой успех, что для П. Луи оказалось невозможным и далее скрывать свое авторство.

Итак, литературная мистификация создает миф на основе жизней реально существовавших людей, а также событий и конкретных поэтик. В случае П. Луи литературной спекуляции подвергаются представления – нередко профанные – об образе жизни греческой поэтессы Сафо и ее учениц на острове Лесбос, а для создания языковой аутентичности в мистификации частично воспроизводится поэтика произведений Сафо. Мистификация не ограничивается указанием на реально существовавших людей (в данном случае это Сафо, поэтесса и подруга Билитис, в тексте – Псаффа), а также описанием географии, якобы иллюстрирующей передвижения «невыведанного» персонажа (Памфилия, Митилена, Кипр). Паратекст, т.е. сопутствующее книге оформление титульного листа (а под заглавием сохраняется указание на то, что она – продукт перевода с греческого языка), а также подробное жизнеописание Билитис в предисловии, подписанном уже самим П. Луи, призваны подчеркнуть, что обстоятельства рождения текста – ни в коей мере не определяются модальностью вымышленного, литературно-фиктивного.

В предисловии, к примеру, высказана уверенность в том, что именно Сафо (Псаффа) научила «маленькую пастушку слагать стихи». И возлюбленная Билитис, носившая имя Мназидика, действительно, как и указывается в предисловии, появляется в поэзии Сафо (только вот та ли это Мназидика?). «По одному из стихов Сафо, – как значит в предисловии, – нам известно, что настоящее имя ее было Мнаис». По известным нам переводам стихотворений Сафо на русский язык подруга Билитис, однако, как и в «Песнях» носит имя Мназидика: (переводы Вяч. Иванова и В. Вересаева), что должно укрепить наивного читателя в навязанном ему пара- и метатекстом предположении, что Билитис – реально существовавший человек, живший в эпоху Сафо, принадлежавший к ее кругу и знакомый со нравами того времени.

Ряд наблюдений над бытописанием острова Лесбос выдает в настоящем авторе «Песен» интерес к сложившимся в Европе к XIX веку стереотипам относительно жизни на упомянутом острове, а также относительно распределения гендерных ролей, которое могло происходить среди амазонок: среди девушек, к примеру, обязательно находятся те, что коротко стригутся, носят мужские туники и т.д. (ср. с описанием Псаффы: «*Она прекрасна, несмотря на свои остриженные, как у атлета, волосы. Это странное лицо, эта мужская грудь и прямые бедра [...]»*).

Но вернемся к модальности действительного, призванной закрепить за «Песнями» в том числе благодаря подробному предисловию, посвященному изложению биографии Билитис. Истинность знакомства Билитис с Сафо даже при появлении в тексте соответствующих указаний, доказана быть не может. Один из векторов создания иллюзии реального существования Билитис – поэтика ее текстов. П. Луи делит все песни на буколики, элегии и эпиграммы – жанры, популярные в Греции в 3 в. до н.э. Каждый жанр знаменует географию странствий Билитис и этапы ее жизни, соответственно, буколики и пасторальные песни – это беззаботное детство и юность в Памфилии, элегии – пребывание Билитис в Митиленах и история ее любви к Мназидике, эпиграммы – ее жизнь в качестве гетеры на Кипре. Как и дошедшие до нас фрагменты поэзии Сафо, «Песни» наполнены обращениями героини к ее возлюбленным, богам, они воспевают женскую красоту и силу и радости молодости. Постоянные колебания читателя на предмет того, насколько оригинален текст, попавший в его руки, показывают степень тонкости литературной игры, порождаемой мистификацией. Миф о псевдореальной Билитис был настолько качественно развит П. Луи, что ее имя в конце XIX века даже попало в одну «солидную французскую энциклопедию». А тщательно продуманная П. Луи библиография, посвященная феномену Билитис, долгое время не воспринималась как литературная фикция, даже после того, как П. Луи признал свое авторство. Миф перестает восприниматься как таковой, и даже признание фиктивности авторства не способно остановить поток новых мифов, порождаемых однажды рассказанной историей. Поставленная в актуальный историко-культурный контекст история паразитически посягает на собственную фиктивность и практически материализуется в пространстве порожденных ею мифов. Слишком много в мистификации П. Луи тонких выверенных деталей и стилистических нюансов, чтобы ее читатель не поддавался соблазну засомневаться, что миф о Билитис действительно всего лишь миф.